

«СТАТЬ ХОТЕЛОСЬ КОГДА-ТО ПОХОЖИМ НА ЭХО...»

Борис ОРЕХОВ

Под его песни жили «От печали до радости» и произносили «Любви негромкие слова». Шлягеры на его стихи исполняли почти все советские звезды: от Иосифа Кобзона и Анны Герман до Валерия Леонтьева и Ларисы Долиной. Не стало знаменитого поэта и автора многих эстрадных хитов Бориса Дубровина.

СЫН ВРАГА НАРОДА

Помимо песен, в творческом наследии мастера около сорока сборников стихов и прозы. Значительная часть его произведений посвящена Великой Отечественной войне, которую Борис Саввович прошел простым солдатом. В его жизни, как в капле, отразилась вся биография страны и непростая, часто трагическая судьба людей его поколения.

«Я - дитя нашей дружбы народов», - говорил он о себе. Отец - с Украины, герой Гражданской войны, был комиссаром в 1-й Конной армии Буденного. Мама - врач, родом из небольшой деревушки затерянной среди Пинских болот в Беларуси.

После Гражданской отец работал инженером в КБ Андрея Туполева. Знаменитый авиаконструктор не раз бывал у них дома, что и аукнулось. Когда Туполев в 1937 году арестовали, обвинив во вредительстве, под каток репрессий попал и отец Бориса. Его признали врагом народа, он погиб в тюрьме. Арестовали и мать за то, что не донесла на врага народа, то есть на мужа. Мама отсидела шесть лет и вышла инвалидом. Все эти годы Бориса с маленькой сестренкой спасала от голодной смерти бабушка. В общем, еще в детстве он, что называется, хлебнул по полной программе. А тут - война.

- Когда враг на пороге, все обиды надо отбросить и защищать Родину. На фронте я встречал десятки людей, у которых были репрессированы близкие люди. Но все они, как один, честно и мужественно сражались с врагом, - вспоминал позже поэт.

Как у токаря на оборонном заводе, у него была бронь. Но он сам пошел в военкомат и добровольцем записался в пехоту. Вскоре попал в авиацию - в бомбардировочный полк. Думал, будет летать, но его определили в батальон аэродромного обслуживания

ния. Расчищать с метлой и лопатой взлетные полосы, заправлять машины перед вылетом, охранять аэродром с винтовкой.

Он рвался в небо. И сам пошел к особисту из СМЕРШа: так и так, я - сын врага народа и хочу в бою смыть это несправедливое пятно с нашей семьи.

ЛЕТАЛ ЛЕЖА

Не надо думать, что особисты все как один были одноклеточные идиоты или сволочи, думавшие только о том, чтобы поставить к стенке или отправить в штрафбат. Среди особистов на самом деле хватало нормальных мужиков, просто работа у них была специфическая.

Короче, смершевец поверил в искренность паренька, связался по телефону с командиром полка, и Бориса в тот же день зачислили стрелком на бомбардировщик. Самое «горячее» место на самолете. Полк летал на американских машинах А-20 «Бостон», поставившихся по ленд-лизу. Наши умельцы его модернизировали - в нижней части фюзеляжа вырезали окно для стрелка, чтобы тот мог защищать бомбардировщик от атак истребителей сзади. И поставили туда на качалке крупнокалиберный пулемет Березина, весивший - на минуточку - 25 килограммов.

- Стрелок единственный в экипаже летал лежа ногами вперед. А стрелял я по фашистским самолетам стоя на коленях, иначе с тяжеленным пулеметом было не управиться. Пилот и штурман были прикрыты хотя бы обшивкой кабины. А у стрелка вся защита - окно из плексигласа. Пули истребителей и осколки зенитных снарядов легко его пробивали. Так погибали очень многие. В больших наступательных операциях за один день приходилось делать по два, а то и по три вылета с разными экипажами, - рассказывал Борис Дубровин.

ОТПЕЛИ ЗАЖИВО И ПРОПИЛИ ШИНЕЛЬ

Карьера воздушного пулеметчика для него началась с трагикомичного эпизода. Зашел в дом, где жили стрелки, поздоровался, познакомился, бросил шинель и вещмешок на свободную койку, а через день ушел в свой первый боевой вылет. Когда вернулся, смотрит - шинели нет. Исчезла. Ребята сидят и трескают водку.

Поэт познакомился с будущей женой писательницей Анной Вальцевой случайно, но, узнав, что они родились в один день, решил, что это судьба. И до конца жизни посвящал ей стихи.

- Мужики, а где моя шинель? - оторопел Борис.

- А вот она, - и протягивают ему на полный стакан.

Оказывается, по неведению он занял койку, которая считалась проклятой. Кто ее выбирал, непременно почти тут же погибал.

- Думали, - объяснили сослуживцы, - ты из полета не вернешься и шинель тебе больше не понадобится. Извини, поторопились. Но рады, что жив- здоров.

Менять койку Борис, однако, не стал - что будет, то и будет. И дальше жил на «проклятом» месте. Роковая примета так и не сработала, хотя он в стольких передрыгах побывал. В составе 16-й воздушной армии их полк освобождал Беларусь, участвовал в боях за Варшаву, в Висло-Одерской операции, бомбил Кенигсберг. Наконец, утюжил с воздуха Берлин, прокладывая дорогу войскам.

Как закончившему десятилетку, ему во время войны не единожды предлагали поступить в военное училище, но всякий раз он отказывался.

- Хотел пройти войну именно простым солдатом, чтобы познать до конца весь ее трагизм, - пояснял он. «Но та война, будь проклята она. Пусть никогда не повторится это», - напишет он позже.

Памяти товарищей, погибших в небе за Родину, он посвятил стихотворение «Баллада о воздушных стрелках».

Вернулся самолет - стрелок убит, его уносят, и опять к полету.

«Кто за стрелка со мною полетит?» - спросил пилот.

Я лег у пулемета.

Глядел я в окровавленный прицел, когда осколок полоснул над бровью.

И друга кровь стереть я не успел, она с моей перемешалась кровью...

УЧИЛСЯ У МИХАИЛА СВЕТЛОВА

Дважды раненный, он был удостоен одной из самых дорогих для фронтовиков боевых наград - ордена Отечественной войны II степени. В литературу сержант-фронтовик ворвался стремительно.

- Очень хотелось писать стихи профессионально. Печатался в газете. Совершенствовал мастерство на семинаре у знаменитого Михаила Светлова. Закончил Литинститут имени Горького. Моя первая книга в 1955 году была посвящена войне и называлась «На первом рубеже», - рассказывал он.

За поэтический цикл, посвященный советским космонавтам, его удостоили Золотой медали имени Королева. Неугомонный, он всегда хотел быть там, где происходит что-то настоящее. Обездрил с творческими командировками весь Советский Союз. Не раз бывал на Северном флоте, в глубоководном костюме погружался в Ледовитый океан.

В 1969 году сразу после конфликта на острове Даманском рванул туда, своими глазами видел пробитый пулей комсомольский билет одного из наших пограничников. Стихотворение, написанное им по горячим следам, настолько пробрало председателя КГБ Юрия Андропова, что тот тут же подписал приказ о награждении Дубровина медалью «За отличие в охране государственной границы СССР». В афганском Баграме вместе с подразделением наших воинов поэт дважды попадал под обстрел душманов.

Был у Бориса Саввовича фирменный поэтический фокус. Приходившим к нему гостям он предлагал назвать три наиболее значимых для них слова. Затем удалялся в другую комнату. И минут через десять возвращался с готовым четверостишием или двумя. Причем это не был слепленный на скорую руку рифмованный экспромт-однодневка. Настоящее стихотворение. Многие из них вошли в его сборники.

ФОКУС С РИФМОЙ СЕКРЕТ ФИРМЫ

Но даже те, кто ни разу в жизни не открывал его книг, знают его творчество по песням, ставшим шлягерами. Один бессмертный хит «От печали до радости» в исполнении Юрия Антонова чего стоит.

- Замечательный был поэт, профессиональный. И человек добрейшей души. Так жалко... К сожалению, он написал мне

всего одну песню, но зато какую. Вся страна любит и знает ее наизусть, - говорит Юрий Антонов.

- У него были патриотичные, образные и событийные стихи. Песни часто исполняли по радио и телевидению, очень надеюсь, что память о них останется у тех, кто их слушал, - сказал Лев Лещенко.

Борис Дубровин подарил

отечественной эстраде поистине великое наследие. Изпод его пера вышли тексты к песням «Любви негромкие слова» Анны Герман, «Маленькая Москва» Александра Барыкина, «Вся жизнь моя» Андрея Миронова, «Вот и лето пришло» Эдиты Пьехи. Его песни исполняли Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Сергей Захаров, Анна Вески, Владимир Мигуля, Тынис Мяги...

За долгие годы творческой

деятельности Борис Дубровин успел посотрудничать со многими знаменитыми композиторами. Только в соавторстве с Давидом Тухмановым они написали семнадцать песен, многие из которых вошли в золотой фонд российской эстрады.

И смерть не поставила точку. Летчики не умирают, они просто улетают навсегда. Так и душа поэта продолжит жить в его стихах и песнях.